

УДК 81'44 (811.133.1 + 512.145)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТОВОСПРИЯТИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

*Фахретдинов Р.М.**roustam@mail.ru**Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия*

Аннотация. Статья посвящена анализу лингвистических проблем, связанных с различными способами цветообозначения во французском и татарском языках, в том числе и наименования мастей лошадей. В ходе исследования авторы получили результаты, свидетельствующие о схожести концепта «синий цвет» в татарском и французском языках, отсутствии в обоих языках дихотомии «синий – голубой», а также о целесообразности выделения иппоклористики в отдельный раздел лингвистики цвета. Автор разработал уникальный татаро-французский вокабуляр лошадиных мастей, способствующий сохранению столь специфической лексики в активном словарном запасе сопоставляемых языков.

Ключевые слова: лингвистика цвета, цветообозначение, типология разноструктурных языков, французский язык, татарский язык, иппоклористика.

Для цитирования: Фахретдинов Р.М. Некоторые особенности цветовосприятия во французском и татарском языках // Казанский лингвистический журнал. 2018. Том 1. № 3 (3). С. 32–42.

FEATURES OF COLOR PERCEPTION IN THE FRENCH AND TATAR LANGUAGES

*R.M. Fakhretdinov**roustam@mail.ru**Kazan Federal University, Kazan, Russia*

Abstract: The article is devoted to the analysis of linguistic problems associated with various methods of color terms in the French and Tatar languages, including the names of horse colors. In the course of the study, the authors obtained results indicating the similarity of the “blue color” concept in Tatar and French, the absence of the blue-blue dichotomy in both languages, as well as the feasibility of distinguishing hippocoristics into a separate section of color linguistics. The author has developed a unique Tatar-French vocabulary of horse suits, contributing to the preservation of such specific vocabulary in the active vocabulary of comparable languages.

Keywords: linguistics, color designation, typology of French and Tatar languages, hippocoristics.

For citation: Fakhretdinov R.M. Features of Color Perception in the French and Tatar Languages // The Journal of Kazan Linguistics. 2018, Issue 1, No. 3 (3). Pp. 32–42.

Принято считать, что цветовосприятие – одна из важных характеристик человеческого зрения, с помощью которого мы лучше ориентируемся в окружающей среде и познаём её закономерности [Исхакова, с. 77]. Цветообозначение того или иного языка является знаком культуры, творческой индивидуальности, оно играет важную роль в системе общественного ритуального символизма и имеет ярко выраженное коммуникативное начало. В языке как в зеркале отражаются наши цветоощущения и восприятия [Фрумкина, с. 93]. Фразеология – это

именно тот раздел лингвистики, в котором очень ярко отражается национально-культурное своеобразие цветоощущения языка, так как она тесно связана с культурой, историей и бытом народа, в ней воплощены его дух, характер и образ мышления. Так, некто оказывается белой вороной, другой – черной костью, третью называют красной девицей [Шевцова, с. 95]. В природе же цвет – это объективная реальность, независимая от людей.

Однако в разных языках цвета ощущаются не единообразно. Как отмечает В.Г. Гак, «цвет в разных языках отражается по-разному, наименования красок составляют в каждом языке сложную систему, и системы разных языков обнаруживают показательные расхождения» [Гак, с. 68]. Так, есть языки, которые различают семь цветов радуги, например, русский и некоторые другие славянские языки; большинство же других европейских языков различают только шесть [Светличная, с. 24]. Это происходит из-за того, что тот участок спектра, в котором русские видят два цвета – синий и голубой, в западноевропейских языках обозначается с помощью одной лексемы – blue (англ.), blå (дат.), blau (нем.), blu (ит.), bleu (фр.) и т.д. Они даже звучат одинаково, не смотря на то, что принадлежат к разным ветвям индоевропейской группы языков: германской и романской.

Примечательно, что татарский язык и здесь близок более к европейским языкам, поскольку тоже не делает разницы между «синим» и «голубым», детерминируя данный участок спектра как «зэңгэр». Номинально, конечно же, под ареальным влиянием русского языка, в татарском существует обозначение и для синего цвета – «күк», но оно редко употребляется, потому что вовсе не является прилагательным, первое значение у него – «небо». Соответственно, было бы точнее переводить это слово не как «синий», а как «небесного цвета». А небо, как мы знаем, может быть и голубым, и всех оттенков синего, в зависимости от погоды.

В подтверждение данного тезиса можно привести тот факт, что в татарском фольклоре на одну песню «Күк күгәрчен» (синяя голубка) приходится и «Зэңгэр күлмэк» (голубое платье), и «Зэңгэр төймә» (голубая пуговица), не говоря уже об очень популярном образе «Зэңгэр шәл» (голубая шаль). Зачастую эти колоронимы являются в татарском языке синонимами. Так, «күк яулык» – un foulard bleu (фр.) переводится и как голубой, и как синий платок, а «күк күбәләк» (дословно: синяя бабочка) – la lycène (фр.) – это «голубянка». Поразительное расхождение в цветовосприятии наблюдается на примере «күк жиләк» (дословно: синяя ягода) – une airelle des marais (дословно: болотная черника с французского), а по-русски – «голубика». Данные колоронимы могут взаимозаменяться даже в таких устойчивых выражениях как «күк/ зэңгэр сөт» (дословно: синее/голубое молоко) – обрат – un lait dégraissé (дословно с французского: обезжиренное молоко), «зэңгэр/ күк күзле» – голубоглазый – aux yeux bleus (фр.), или «зэңгэр/күк чәчәк» – василёк, цветок тоже не всегда чисто синий. Как видим, в номинации этого цветка татарский язык опять-таки, в отличие от русского, совпадает с французским – le bleuet, что можно перевести как «синеватый». Интересно, что в татарском языке «синеватый», как и «голубоватый», тоже означают два разных слова с анализируемыми в данной статье корнями: «күксел» и «зэңгәрсу», что вновь показывает то, что разница между этими колоронимами достаточно условна.

Зато в русском и французском языках существует образ l'oiseau bleu – синей птицы, как символа недостижимого идеала.

Более того, иногда этот колороним означает совершенно другой цвет, например: «күк агач» – вовсе не синее дерево, а граб, le charme по-французски. «Күк ала сакал» означает «борода с проседью», то есть вообще-то серого цвета, «күк ала ат» – серый конь в светлых яблоках, а просто «күк ат» будет уже «сивым мерином». Интересно, что по-французски седая борода будет une barbe fleurie, то есть «цветистая» или же argentée, то есть «серебристая», а зачастую просто une barbe grise / blanche (серая / белая борода) безо всякого иносказания! А сама идиома Barbe bleue означает «некоего подозрительно многократно женатого мужчину, все жёны которого умерли». Этот сказочный персонаж Синяя борода известен русскоязычному читателю, но татарскому фольклору абсолютно чужд, поскольку татары более гуманны по отношению к женщине. Зато во французском языке существует очень близкая татарскому народу идиома un menton bleu (буквально: синий подбородок) для детерминации мужчины в годах.

Лишь в одном случае цветоощущения татар ближе к русским в рамках данного концепта: «күк талак итэргэ», буквально: сделать синей селезёнку, то есть избить до синяков. У французов эта колоридиома окрашена в более тёмные тона: être noir de coups, буквально: «быть чёрным от ударов». Видимо, французы более жестоки, не случайно у них даже нет слова «добрый» – для этого эпитета используется bon, то есть «хороший». Интересно, что были и у нас древние времена, когда слова «добрый» и «хороший» были синонимами, но, поскольку добрых русичей становилось всё больше, для этой черты характера понадобилась отдельная лексема. Примечательно, что в татарском языке номинально присутствует лексема, означающая «добрый» – «игелекле», но в речевой практике она употребляется неизмеримо реже, чем «эйбэт», что, является абсолютным синонимом понятия «яхшы» – «хороший». Из чего можно выдвинуть гипотезу, что в настоящее время данный концепт в татарском языке находится ещё на той же стадии, как и в русском языке несколько веков назад. Соответственно, если добрых татар будет становиться всё больше, то логична трансформация словоформы эйбэт в «добрый». Наблюдаемое в данном случае межъязыковое чередование “синий – чёрный” встречается и в самом татарском языке: «күк / кара бөрлегән» (синяя или чёрная костяника), то есть ежевика, le mignon по-французски. Удалось обнаружить и тот редкий случай, когда лексические наименования во всех трёх анализируемых языках наиболее близки в конкретном семантическом поле: голубой песец – зэнгэр / күк төлке по-татарски и un genard bleu по-французски. Кстати, между двумя последними языками оказывается больше сходства, нежели с русским, поскольку в обоих это животное именуется голубой лисицей.

Что касается более распространённого в татарском языке колоронима – «зэнгэр», то его пристальное типологическое исследование также подтверждает постулируемый нами тезис об условности его прямого значения и большей близости французского языка к татарскому, нежели к русскому. Например: «зэнгэр таш», что буквально означает «голубой камень» – лазурит, le lapis по-французски. На самом-то деле он вовсе не голубой, а тёмно-синий. Время суток между ночью и утром татары красиво называют «зэнгэр таң», и вновь речь идёт скорее о понятии «синяя», нежели

«голубая заря». Примечательно, что и французы видят этот предрассветный час в синем цвете: l'heure bleue. И лишь в случае с колоридиомой «голубая мечта» наблюдается полное единодушие во всех трёх языках: «зәңгәр хыял» – un rêve bleu, но логическое продолжение этой идиомы – «зәңгәр хыялга батырга» (буквально: утонуть в голубой мечте) ещё более сближает татар и французов, которые, в отличие от русских, не «витают в облаках», а nagent dans le bleu, то есть «плавают в (морской) синеве», что характеризует их как более приземлённые народы.

В интернациональной колоридиоме «смотреть сквозь розовые очки» – regarder à travers des lunettes roses в татарском языке неожиданно возникает всё тот же самый голубой цвет: «зәңгәр/ал күзлек аша карарга». Удивительно, что во французском языке тоже существует синонимичный фразеологизм voir tout en bleu/rose – видеть всё не только в розовом, но и в синем цвете.

«Истошный голос» – des cris d'orfraie (буквально: крики орлана) татары тоже видят в цвете: «зәңгәрле-яшллы тавыш», что навеивает мысль о том, что между голубым и зелёным цветом в татарском языке грань тоже размыта, но это уже тема для отдельного анализа в следующей статье. И, наконец, татары, вслед за русскими называют голубых «зәңгәрләр», что удивительно для французов, поскольку les bleus – это игроки их сборной, а для обозначения мужчин нетрадиционной ориентации они используют слово les pédés или la pédale специально женского рода, которое, как и в русском языке, первое значение имеет «педаль». А в единственном числе le bleu означает «новичок» или «новобранец», видимо, потому что их униформа ещё совсем новая и не успела утратить свой синий цвет. Впрочем, и во французском языке удалось найти коррелирующую с русским языком идиому les ballets bleus (дословно: «голубой балет») – оргия с участием мальчиков.

По свидетельству французского историка Мишеля Пастуро, отношение французов к синему цвету менялось с течением времени. Примечателен тот факт, что до XII века в средневековой литературе о нём вообще не было никаких упоминаний [9, с. 26]. Долгое время синий цвет ассоциировался у французов с сильными негативными эмоциями вплоть до того, что одно из значений этого существительного – синяк. Например: avoir du bleu au coeur (буквально: «иметь синяк на сердце»), то есть грустить – «ямансуларга» по-татарски; une peur bleue (буквально: «синий страх») – панический страх («бик ных курку», то есть просто «очень сильный страх» по-татарски); une colère bleue – сильный гнев («бик ных ачу килү» по-татарски); en être bleu (буквально: быть синим от чего-то), то есть быть потрясённым («авыр кичерештә булырга» по-татарски); n'y voir que du bleu (буквально: видеть в чём-то только синее) – ничего не понять («бернәрсә дә аңламаска» по-татарски); passer au bleu (буквально: перейти к синему) – утаивать («сер итеп тотарга» по-татарски (буквально: держать в тайне); un bas bleu – «синий чулок» («сөйкемсез хатын» по-татарски, буквально: непривлекательная женщина); une bête bleue (буквально: синяя скотина) – кляча («арык ат» – то есть буквально «уставший конь» по-татарски); любовную интрижку французы сравнивают с une fleur bleue, то есть с «синим цветком» («мәхәббәт мәкере» по-татарски); cultiver la petite fleur bleue – сентиментальничать («тойгыларга бирелергә» по-татарски, что дословно означает «поддаться ощущениям»; papier bleu (буквально:

«синяя бумага») – повестка в суд – «судка чакыру» по-татарски; un vin bleu (буквально: «синее вино») – бормотуха – «начар кызыл шэраб» по-татарски; une zone bleue – место ограниченной стоянки машин; ne pas être bleu de rire (буквально: «не быть синим от смеха» – не иметь желания смеяться, а татары сказали бы: «көлүдән кып-кызыл булмаска» (буквально: «не быть красным от смеха»); un conte bleu (буквально: «синяя сказка» – бабьи сказки – «эбиләр әкият» или «юк-бар сүз» по-татарски, дословно: слово, означающее «то ли есть, то ли нет»; elle est bleue, celle-là (буквально: «а эта – синяя») – «уйдырма» по-татарски – эка небылица! И, наконец, les diables bleus, то есть буквально «синие черти» – тоска. Примечательно, что русским тоска кажется зелёной («яшел сагыш» по-татарски, но цветоощущение тоски у татар более насыщенное: от «ак сагыш» как эквивалента лёгкой печали до «зэнгәр сагыш» – тоски по несбыточному, к «сары сагыш» – аналогу сплина, и, в конце концов – «кара сагыш» как крайнюю безысходность).

Существуют и многозначные колоридиомы, например: bleu comme la poule à Simon (буквально: синий, как курица Симона) имеет три значения, и все негативные:

- 1) заблудившийся («адашкан» по-татарски);
- 2) в панике, перепуганный («бик нык курыккан» по-татарски);
- 3) консерватор («кадимче» по-татарски).

С последним из них коррелирует колоридиома une Chambre bleu horizon – Голубая палата (реакционная палата депутатов во Франции, избранная в 1919 году, названная по цвету офицерских шинелей).

Или un coup bleu (буквально: «синий удар»):

- 1) выстрел в воздух («юкка ату», то есть буквально «холостой выстрел» по-татарски);
- 2) напрасный труд («файдасызга көч түгү», то есть буквально: «бесполезно проливать силы» по-татарски).

Или une dentelle bleue:

- 1) английские кружева (изготавливаемые в Ковентри) – «инглиз челтәр» по-татарски;
- 2) женщина в голубом – «зэнгәр киемле хатын-кыз» по-татарски.

Или un col bleu (буквально: синий воротничок):

- 1) военный моряк – «хәрби диңгезче»;
- 2) рабочий – «эшче».

Или un cordon bleu:

- 1) голубая орденская лента кавалера ордена Святого Духа, то есть «человек с большими заслугами» – «зур кеше» по-татарски;
- 2) искусная кухарка – «эйбэт пешерүче» по-татарски.

И лишь в исключительных случаях этот цвет имеет во французском языке положительные коннотации. В эпоху Возрождения, согласно М. Пастуро, синий цвет стал «королевским» и очень престижным. Отсюда такие колоридиомы как: le sang bleu – «голубая кровь», но «аксөяк» по-татарски, что означает «белая кость», то есть «аристократ»; un ruban bleu – орденская лента – «орден тасмасы» по-татарски; une bibliothèque bleue – рыцарские романы для детей от 4 до 8 лет; un bifteck

bleu – кровавый бифштекс – «канлы бифштекс»; le ciel est bleu partout – буквально: «небо везде синее» – свет клином не сошелся, а в татарском языке – «дөнъя киң / иркен», дословно: «мир просторный», или «кайда да бер кояш», дословно: «солнце везде одно и то же». Поскольку Франция омывается морями с трёх сторон, там распространено понятие l'huile bleue (голубое масло) об энергии ветра, приливов и отливов, трансформировавшееся у нас в голубой уголь – «зэнгәр күмер» – уже только об энергии ветра. Зато в русском языке существует колоридиома «голубое топливо» – «зэнгәр ягулык» по-татарски, отсутствующее у французов, не обладающих месторождениями газа. В современном западном обществе, утверждает М. Пастуро, синий цвет является любимым цветом, поскольку символизирует спокойствие и умиротворённость, отсюда возникла идиома les casques bleus – «голубые каски» – «зэнгәр каскалар». В русском языке появилась ещё уникальная колоридиома «голубые береты» – просто les parachutistes во французском языке.

В окружающем нас мире цвет не существует сам по себе. Он всегда привязан к какому-либо классу объектов и не существует как самостоятельный денотат. Он растворен в природе и является ее частью. Например: синее небо, рыжая лиса, черная земля, белый снег, белый или серый заяц [Ахметьянов, с. 8]. Какого же цвета лошадь? Обычно она гнедая, но если конь, то вороной, а мерин – сивый. Как видим, колоронимы, описывающие масти лошадей, достаточно специфичны и не употребляются для цветоименований других предметов или животных. С другой стороны, лишь дилетант может назвать лошадь коричневой или чёрной. Лошадиные масти – тема чрезвычайно интересная, поскольку лошади – одни из самых благородных животных на Земле, уже на протяжении тысячелетий живущие рядом с человеком, приносящие ему неоценимую пользу и, не смотря на современный прогресс, до сих пор украшающие нашу жизнь [Максютова, с. 18]. Человеку ласкает взор не только лошадиная стать и умные глаза, но и её окрас. Следовательно, наличие разнообразных лошадиных мастей неразрывно связано с проблематикой цветовосприятия, некоторые филологи, такие как Шавалиев В.В., выводят их в отдельную цветовую категорию. Г.А. Исхакова, например, насчитывает их более сорока в татарском языке [Исхакова, с. 152]. Р.Г. Ахметьянов утверждает, что раньше их было ещё больше [Ахметьянов, с. 71]. Примерно ту же самую картину мы наблюдаем и во французском языке. В связи с данным разнообразием мастей и возникает главная сложность их анализа, которую отмечала и В.Г. Кульпина [Кульпина, с. 230].

В частности, в наименованиях мастей встречается много алогизмов. Например: сивая масть по-татарски будет «күк», а светло-сивая – не «аккүк», что было бы логично, а «акбүз». А всё дело в том, что кроме лексемы «күк», обычно в татарском языке означающей синий цвет, существует ещё и слово «бүз», со значением «сероватый, пепельный цвет» в то время как пепел по-татарски – вовсе не «бүз», а «көл». Было бы странным, если бы во французском – самом рациональном языке в мире, существовали подобные противоречия. Французский язык уходит от них за счёт метафоричности наименований мастей. Так, «акбүз» по-французски – *pêrle*, что означает «жемчужина», а «бүз» – *silver*, что значит «серебро» по-английски. Здесь необходимо признать, что французский язык при номинации лошадиных мастей часто прибегает к иностранным заимствованиям, и не обязательно английским. Так, тот же самый этноним «акбүз» может

означать и *perlino* а-ля итальяно, а «ала-тилэ» - пегая лошадь с белой гривой – *palomino*, что созвучно с португальским *palombino*, означающее «белый мрамор», *gabicano* по-испански – «белохвостый». Это масть с белыми подпалинами по бокам и хвостом, *overo* по-испански – масть с тёмными пятнами на белом фоне, *sooty* по-английски – чёрный как сажа, а *dun* – коричневатосерый. Для французов эта цветолексика, видимо, не вызывает больших затруднений, поскольку английский сейчас учат все, а итальянский, испанский и португальский – родственные языки, принадлежащие одной языковой группе – романской. Кроме того, отличие цвета серебра от жемчуга представляется более наглядным, нежели сивого – от светло-сивого.

Аналогично, «бурлы» по-татарски означает и *grivelé* (чалый – серый с примесью другого цвета), и *alezan* (каурый – светло-каштановый). В то время как сам колороним «чалый» происходит от татарского «чал», что и переводится как «седой» и обозначает, в том числе и чалую масть. В итоге, на один термин «чалый» в русском языке приходится два в татарском: «чал» как светло-серый и «бурлы». Очевидна общая этимология татарского и русского колоронимов «бурый» и «бурлы», восходящая к турецкому *bug* – «рыжая масть», в свою очередь, заимствованному от персидского *bōg* – «красно-коричневый». Но, вопреки логике, в обиходе «бурый» по-татарски будет «коңгырт», а именно бурая масть в иппоколористике – «коба». Следует заметить, что и в коричневой части цветового спектра татарский и французский язык одинаково богаче русского: в татарском языке существует колороним «көрән» как цвет корицы или жареного кофе и «коңгырт» как тёмно-бурый, *кызгылт көрән* (буквально: красно-бурый), *коңгырт сары* (жёлто-бурый). Аналогично во французском языке одному русскому колорониму «коричневый» соответствует два: *maillon* и *brun* как «тёмно-коричневый». В русском же языке с течением времени колороним «бурый» заметно потускнел: от красно-коричневого к серо-коричневому в нейтральном контексте.

Именно древность данного пласта лексики может оправдать её не совсем однозначное восприятие. Например, многие ли опишут буланого коня? А ведь это светло-рыжий (жёлтый, по М. Фасмеру) с чёрным хвостом и гривой.

Что касается количества мастей и отмасток, то в современном татарском языке их насчитывается около шестидесяти, а во французском – приблизительно семьдесят. Эту же тенденцию подмечает В.Г. Кульпина и в отношении польского языка, в котором наименований мастей лошадей больше, чем в русском [Кульпина, с. 311].

Для некоторых мастей в татарском языке вообще не нашлось колоронимов. Так, в татарском языке отсутствует номинация для целой группы пегих отмасток, например: *pie noir léopard* – белая лошадь с чёрными леопардовыми пятнами, *pie noir saré* (дословно: с чёрной шляпой-котелком) – белая лошадь с чёрной головой, а маститый конь с белыми пятнами на задних ногах и спине образно называется *pie noir givré* (дословно: пегий чёрный конь, покрытый инеем), а белый с рыжим и чёрной гривой – *pie bai sabino*. В данном случае французский язык заимствует из испанского, на котором *sabino* означает «светло-гнедая». Французы настолько одухотворяют лошадь, что при её описании используют анималистическую метафоричность, поскольку *la pie* по-

французски – сорока. Для восполнения данной лакуны в татарском языке было бы целесообразно назвать белую лошадь с чёрными леопардовыми пятнами «ала каплан». Что касается остальных потенциальных калек, то они пока ещё весьма сомнительны.

Не удалось обнаружить в татарском языке и такие этноцвета как золотисто-буланый – champagne, то есть цвет шампанского, и серо-жёлтоватый – tourdille, этимологически восходящий к существительному le tourd, означающему «сизоголовый дрозд». Калька с французского «шампанский төсе» уже появилась в татарском языке, но пока ещё не в иппоколористике. Что же касается «миләш чыпчыгы төсе», то появление данного этноцвета представляется маловероятным ввиду малой распространённости дроздов в ареале татар.

С другой стороны, во французском языке отсутствует такой этноцвет как «кан жирән» – кроваво-рыжий. Французы, как и все европейцы, вполне обходятся колоронимом «кроваво-красный» – rouge sang, который, в свою очередь, манкируется в тюркских языках. Нет в остальных исследуемых языках и аналогов таких легендарных для татарского народа коней как Акбүзат (буквально: светло-сивый конь) – символ дня, Күкбүзат (дословно: светло-серый конь) – аллегория вечера, Тимеркара (вороной со стальным отливом) – олицетворение ночи. Татары говорят о чередовании времени суток: «Тимеркараны акбүзат куа, акбүзатны күкбүзат куа». Примечательно, что в татарском языке отсутствует аллегория утра, в то время как в остальных языках лишь она и наличествует в виде богини утренней зари Авроры.

В результате мне удалось составить небольшой татаро-русско-французский глоссарий лошадиных мастей:

ак – белая – blanche;

аксыл сары – кремовая – crème;

аксыл жирән – светло – рыжая – rousse claire, palomino charbonnée/ fumée/ cuivrée;

акбүз – светло – сивая – perlino/ pèrle;

ала – пегая (разномастная) – pie;

ала – кола – саврасо – пегий/ булано – пятнистая – pie noire tovero;

ала – тилә – пегая лошадь с белой гривой – pie baie tobiano;

ала күк – пего – сивая – palomino claire;

алма күк – сивая в яблоках – grise tisonnée/ pie alezane overo;

алмачуар – серая в яблоках – grise pommelée;

болан – буланая (светло – рыжая с чёрным хвостом и гривой) – isabelle;

бүз – сероватая – silver;

бүртә – мухортая (гнедая с желтоватыми пятнами) – baie avec les chanfreins blancs;

бурлы – каурая (светло – каштановая) – alezane;

бурлы ала – чало – пегая (с белыми пятнами на тёмно – рыжем фоне) – la floconnée;

бурлы кара – вороно – чалая – gouane;

бурлы күк – сиво – чалая – grise truitée;

бурлы жирән – рыже – чалая – pincharde;

бурлы туры/ туры бурлы – гнедо – чалая – rabicano;
 жирэн ала – рыже – пегая – baillette;
 калтар – чёрно – бурая – argentée;
 кара – вороная – noire morelle/ sooty/ la frisonne;
 кара коба – чёрно – бурая – baie brune;
 кара күк – тёмно – сивая – grise – brune;
 кара – туры – караковая – noire pangarée;
 кашка ат – лошадь со звёздочкой во лбу – cheval avec losange/ pelote/ croissant;
 кир ат (борын очлары, аяклары сары төстө) – подласая – arzèle;
 коба – бурая (с белыми вкраплениями) – alezane brûlée;
 ак коба – бледно – бурая – baie claire;
 коба кызыл – муругая (рыже – бурая) – aquilaine;
 коба туры – бурая (тёмно – коричневая с красноватым отливом) – baie foncée;
 кола – соловая (бледно – жёлтая со светлыми хвостом и гривой) – aubère granitée;
 аксыл – кола – светло – булановая – café – au – lait;
 ак кола – бледно – саврасая/ буланая – cremello ;
 куе болан – тёмно – буланая – champagne ambre ;
 кола жирэн – булано – саврасая – dune;
 күк – сивая – grise;
 ак күк – бледно – сивая – grise claire;
 күкбүз – светло – серая – grise claire;
 күк – ала – сиво – пегий – pie grise;
 күк – жирэн – сиво – железовая – grise rousse/ fer;
 сары – саврасая (светлая гнедая с чёрными хвостом и гривой) – louvette/ isabelle fumée;
 саф/ бер төсле – маститая – zaine;
 соры – серая – grise;
 тычкан төсө – мышастая – grise souris / crins lavés;
 тонык сары – палевая – isabelle pangarée;
 тимер – күк – тёмно – сивая/ сивостальная – noire granitée / tourterelle / foncée;
 таргыл – тёмно – рыжая – l'alezane cuivrée / foncée;
 туры – гнедая – baie;
 туры ала – гнедо – пегая – baie granitée / baie cerise;
 туры кола – гнедо – саврасая (красно – коричневая) – baie fumée;
 тәңкә чуар – гнедая в яблоках – baie pommelée/ miroitée / à miroir;
 чагыр – чаграва (тёмно – пепельная) – grise cendrée à noirs;
 чал – чалая (серая с примесью другого цвета) – grivelée;
 чаптар – игреня (светло – рыжая с белесоватыми гривой и хвостом) – balzane ;
 чөлкәр – иссиня – чёрная – bleue – noire;

чуар – чубарая (с тёмными пятнами по светлой шерсти) – truitée / tisonnée / pie baie tobiano.

Как видим, цветовосприятие сильно отличается в исследуемых мною языках, за исключением современных словообразований, когда появившись в одном языке, в процессе глобализации оно быстро калькируется другими языками. Цветообозначения составляют неотъемлемую часть нашего повседневного сознания, обладают различными коммуникативными интенциями, входят в ритуальную символику, являются знаком культуры определённой исторической эпохи. Цвет рассматривается мною как определённый угол зрения на «картину мира», отраженный в каждом отдельно взятом языке через восприятие этого мира носителем языка. Уже древнегреческие философы пользовались цветом для характеристики голоса, душевного состояния и прочих внутренних свойств человека. Это было образным переводом информации с одного языка в другую семиотическую систему, когда непонятное эксплицируется уже известными понятиями.

Изучение фразеологии также затрагивает сферу народной культуры. Фразеологизмы с цветообозначениями – колоридиомы занимают важное место в современных исследованиях, так как отражают особенности менталитета, верования, традиции, систему ценностей того или иного народа. Они представляют собой символы, стереотипы культурного мировидения. Изучение колоронимов во фразеологии отражает национальную специфику французского, других европейских языков, татарского в том числе. В данной статье удалось наглядно продемонстрировать не актуальность дихотомии «синий - голубой» для большинства европейских народов. Примечательно, что и в русском языке существует прилагательное «сине-голубой» например, для описания дали, в котором и наблюдается та самая европейская когезия обоих этих понятий. К сожалению, в силу своей громоздкости, оно мало употребимо. Правильное и уместное употребление колоридиом придает речи неповторимое своеобразие, особую выразительность, меткость, образность, поэтому результаты данного исследования имеют практическое применение – для успешного преподавания французского и татарского языков, а также в области сопоставительной лексикологии и фразеологии.

Литература

1. Арапов М.В. Квантитативная лингвистика. М.: Наука, 1988. 184 с.
2. Ахметьянов Р.Г. Некоторые названия лошадей в татарском языке // Советская тюркология. 1975. № 2. С. 69–76.
3. Ахметьянов Р.Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1988. 200 с.
4. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения, 1977. 264 с.
5. Исхакова Г.А. О названиях мастей лошадей в татарском языке // Вестник Чувашского университета № 3. Изд-во: Чувашский гос. ун-т им. И.Н. Ульянова, 2008. С. 151–154.
6. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. - М.: Московский Лицей, 2001. 470 с.
7. Максютова Н.Х. Терминология коневодства у башкир // Вопросы лексикологии и лексикографии. Уфа, 1983. С. 18–26.
8. Надергулов У.Ф. Животноводческая лексика башкир. Уфа, 2000. 185 с.
9. Пастуро М. Синий. История цвета. М.: НЛЮ, 2015. 144 с.
10. Светличная Т.Ю. Сравнительные лингвокультурные характеристики цветообозначения и цветовосприятия в английском и русском языках: дисс.... канд. филол. наук. Пятигорск, 2003.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987.
12. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. М.: Наука, 1984. 175 с.
13. Шевцова В.А. Феномен цвета в русской фразеологии. Сб. научн. ст. // Языки мира – в мир языков. Минск: БГУ, 2006. С. 163–170.

References

1. Akhmetianov R.G. *Nekotoryye nazvaniya loshadey v tatarskom yazyke* // Sovetskaya tyurkologiya. 1975. № 2. P. 69–76. (in Russian).
2. Akhmetianov R.G. *Obshchaya leksika materialnoy kultury narodov Srednego Povolzhia*. M.: Nauka. 1988. 200 p. (in Russian).
3. Arapov M.V. *Kvantitativnaya lingvistika*. M.: Nauka. 1988. 184 p. (in Russian).
4. Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka*. M., 1987. (in Russian).
5. Frumkina R.M. *Tsvet. smysl. skhodstvo*. M.: Nauka. 1984. 175 p. (in Russian).
6. Gak V.G. *Sopostavitelnaya leksikologiya*. M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 1977. 264 p. (in Russian).
7. Iskhakova G.A. *O nazvaniyakh mastey loshadey v tatarskom yazyke* // Vestnik Chuvashskogo universiteta № 3. Izd-vo: Chuvashskiy gos. un-t im. I.N. Ulianova. 2008. P. 151–154. (in Russian).
8. Kulpina V.G. *Lingvistika tsveta: Terminy tsveta v polskom i russkom yazykakh*. M.: Moskovskiy Litsey. 2001. 470 p. (in Russian).
9. Maksyutova N.Kh. *Terminologiya konevodstva u bashkir* // Voprosy leksikologii i leksikografii. Ufa. 1983. P. 18–26. (in Russian).
10. Nadergulov U.F. *Zhivotnovodcheskaya leksika bashkir*. Ufa. 2000. 185 p. (in Russian).
11. Pasturo M. *Siniy. Istoriya tsveta*. M.: NLO. 2015. 144 p. (in Russian).
12. Shevtsova V.A. *Fenomen tsveta v russkoy frazeologii. Sb. nauchn. st.* // Yazyki mira – v mir yazykov. Minsk: BGU. 2006. P. 163–170. (in Russian).
13. Svetlichnaya T.Yu. *Sravnitelnyye lingvokulturnyye kharakteristiki tsvetooboznacheniya i tsvetovospriyatiya v angliyskom i russkom yazykakh*. Diss.... kand. filol.nauk. Pyatigorsk. 2003. (in Russian).

Автор публикации

Фахретдинов Рустам Мэлисович – кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и культур Высшей школы иностранных языков и перевода Института международных отношений Казанского федерального университета, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.

E-mail: roustam@mail.ru

Author of the publication

Rustam M. Fakhretdinov – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of European Languages and Cultures in Institute of International Relations at the Kazan Federal University, Kazan, Kremlevskaya str. 18.

E-mail: roustam@mail.ru

Поступила в редакцию: 12.11.2018.

Принята к публикации: 24.11.2018.